

Рутберг Юлия ДОМ

house@izvestia.ru

АКТРИСА **Юлия Рутберг:**

«Дом, в котором я живу, — продолжение дома, где я выросла»

Для многих понятие дома — с семейными обедами и родственными походами в гости по случаю дней рождения — осталось в прошлом веке. О том, как постараться сохранить остатки семейного очага, актриса Юлия Рутберг рассказала обозревателю «Известий» Лидии Шаминой.

«В коммуналке жили бедно, но нежно»

ИЗВЕСТИЯ: Вы помните дома своего детства?

Юлия Рутберг: Когда я родилась, меня тут же отвезли к бабушке с дедушкой, которые жили в районе Преображенской площади. Потому что там была зелень, парк — весь бульвар Рокоссовского был засажен деревьями. Мы ходили туда гулять с мамой и бабушкой. Речь идет о хрущевской пятиэтажке, но по тем временам это считалось роскошным жильем, потому что квартира была отдельной — в Москве в это время процветали коммуналки. Сколько себя помню, в эту маленькую двухкомнатную квартирку набивалось немыслимое количество народа.

Помню, что во дворе соседи сажали какую-то зелень — укроп и редиску, а еще был садик, где росли цветы. Это было действительно в прошлом веке, даже тысячелетии, не побоюсь этого слова. Сегодня такое представить невозможно.

Потом мы переехали на Пушкинскую улицу, которая теперь Большая Дмитровка, в коммуналку, которую я застала. И счастлива, что застала. Потому что это была совершенно особая среда. Особые взаимоотношения между людьми. Жили очень бедно, но очень нежно, душевно... Это были не соседи — ну, за редчайшим исключением — это были твои родственники. Из маленьких детей в квартире я была одна, и если родителям надо было уйти в гости, в театр, на репетицию, меня оставляли на соседях, которые меня подкармливали и развлекали.

Помню тетю Фросю, которая жила через стенку и у которой своей собственности в жизни было только столик на кухне да сундук — больше ничего. Причем сундук был и кроватью, и шкафом, где хранились ее вещи, и всем чем угодно. Тетя Фрося был старостой в церкви на улице Неждановой. Совершенно фанатически религиозная женщина. Абсолютно без образования, но она знала что-то большее, чем многие дипломированные люди, с которыми мне приходится сталкиваться.

Вообще коммунальная квартира оставила во мне стойкое ощущение того, что человек, конечно, приходит в мир, чтобы прожить собственную жизнь, но еще кого-то заметить рядом, помочь, протянуть руку, потому что не все заканчивается на собственном пупке. Например, с другой стороны от нас жили тетя Шура и Алексей Алексеевич. Во время войны тетя Шура была медсестрой и вынесла Алексея Алексеевича, истекающего кровью, с поля боя — и с тех пор они были вместе, всю жизнь. И всех их я очень хорошо помню. Так же, как тяжеленные чугунные утюги, которые тогда ставили на газ, разогревали чуть не до красна, а потом гладили. Еще помню самую вкусную на свете постную лапшу, которую варила тетя Фрося во время поста. Я ела плохо, да почти ничего из того, что мне готовили родители, а эту лапшу могла уплетать просто ведрами.

Когда пошла в школу, мы переехали в отдельную квартиру на Ленинградском проспекте — это было что-то невероятное. Помню там замечательный огромный двор, где гуляло несметное количество детей. Там росли тополя, с которыми мы вместе вырастали, потому что некоторые из них были только-только посажены. Потом этот дом стали расселять, ремонтировать, многие уехали, там же я поступила в институт. А потом в этом доме родился мой сын Гришка...

ИЗВЕСТИЯ: Кто был главным в вашем доме?
Рутберг: Мама, конечно. У нас так идет из поколения в поколение, в нашем роду очень сильные женщины. У нас две даты в семье всегда были главными: 1 сентября — ее день рождения и 17 мая — папин. Но вообще мы всегда так бедно жили, что главным был тот, кто помогал выживать. Мама работала, конечно, но больше зарабатывал папа. И мы всегда жили с открытой дверью — в доме вечно была толпа народа. Я сегодня

Многолетнее хобби актера и режиссера Ильи Рутберга — коллекция масок

2000 год. Редкий момент, когда семью Рутбергов можно увидеть вместе. На фото: отец семейства Илья Рутберг, дочь Юлия и внук Григорий

никак не могу понять, что мы так обильно ели при тех копейках, что зарабатывали родители. Жили мы бесконечно в долг, как и вся интеллигенция. Зато у нас было очень много хороших книг, особенно коллекция альбомов по живописи, и August Furster, потомственное фортепиано, на котором все в нашей семье учились играть.

«Культу из еды у нас не делали»

ИЗВЕСТИЯ: А дома вы строите свою жизнь, оглядываясь на отношения родителей, атмосферу, которая окружала вас в детстве?

Рутберг: Дом, в котором я живу, — это продолжение дома, где я выросла. Дома был один закон, самый главный: чтобы все помогали друг другу. Дети были всегда любимыми, а когда подрастали, становились помощниками родителям. И все очень переживали друг за друга. И эти семейные традиции естественно перешли ко мне. Хотя из-за того, как я живу (мой муж, актер Анатолий Лобозкий, постоянно уезжает на съемки), у нас несколько другой быт. Но у нас тоже есть свой закон: Толя обязательно утром варит овсяную кашу — ну, потому что это нужно, полезно, а я периодически ста-

раюсь сварить какой-нибудь бульон, чтобы, забежав домой днем, можно было что-то легко перехватить. С едой вообще история такая: жизнь сейчас очень быстра, все время куда-то бежишь, а если наешься посреди дня, то уснешь на ходу.

ИЗВЕСТИЯ: Сейчас невозможно представить, как раньше люди не только по праздникам, но и в выходные устраивали застолья, делали салат оливье, пекли пироги. У вас нет ностальгии?

Рутберг: Моя мама — просто гений по этой части. Она всегда какие-то немыслимые блюда готовила, но каждый раз за праздничным столом я видела ее без сил и счастливых гостей, а приходило человек пятьдесят, не меньше, и происходило это каждый год по несколько раз. В конце концов я ей просто запретила это делать. Потому что все обжирались, а мама просто засыпала от усталости. Теперь мы с ней накануне отправляемся в магазин и закупаем как можно больше того, что можно быстро приготовить. Иногда мама порывается что-то испечь, но я не позволяю. Она с моим сыном столько времени проводит, что отнимать ее на эти экзерсисы нельзя. Вообще у нас в семье культ из еды никогда не делали. Но вкусно поесть любим.

ИЗВЕСТИЯ: Сами часто готовите?

Рутберг: Бывают прорывы, когда я могу что-то готовить, накрывать на стол, созывать гостей. Но — сил все меньше и меньше. Я даже не буду перечислять все те места работы, куда я каждый день успеваю...

ИЗВЕСТИЯ: Как вы воспринимаете выражение «мой дом — моя крепость»?

Рутберг: В самом прямом смысле. При таком бешеном темпе жизни ничего другого не может быть. Ты приходишь домой, закрываешь дверь — и всё, не надо следить за выражением своего лица, можно быть самой собой. В Москве очень тяжело жить, трудно передви-

гаться, это просто каменный мешок. Всюду пахнет бензином, а когда начинается жара, абсолютно нечем дышать. Когда я выбираюсь за город, ловлю себя на том, что, как животное, просто начинаю нюхать воздух и понимаю, что в нем невероятное количество запахов. Недавно я видела чудную картину: идет по Арбату группа японских туристов — и все в респираторах!

«Главное — наша семейная коллекция верблюдов»

ИЗВЕСТИЯ: У ваших родителей в доме толпились гости. А у вас?

Рутберг: Понятие семейного клана, по моему, у всех уже давно утрачено. Это очень плохо, очень жалко. Потому что когда люди собираются за одним столом — это повод обсудить вместе радости и горести, получить положительные эмоции. Но сейчас ритм жизни таков, что родственники собираются вместе отметить круглые даты либо в связи с трагическими событиями. Для меня позвать гостей — это, конечно, роскошь, но стараюсь собирать их хотя бы изредка.

ИЗВЕСТИЯ: Вы любите покупать что-то для дома?

Рутберг: Очень. Какие-то крупные вещи — телевизор или мебель — мы стараемся покупать вместе с мужем, а мелочи — это мое.

ИЗВЕСТИЯ: Если надо в доме что-то починить, кто бросается на амбразуру?

Рутберг: Конечно, Толя. А еще проще — мастера вызывать. Я ни в электричестве ничего не понимаю, ни в технике. Во всем, что касается техники, я дурачок абсолютный. Единственное, что освоила, — это мобильный телефон, и то только те функции, которые мне показал Максим Суханов, потому что у меня модель такая же, как у него. Компьютер даже не включала никогда — и не буду. Так что информацию по-прежнему получаю из книг, от людей, а общаться с компьютером не хочу.

ИЗВЕСТИЯ: С чем у вас ассоциируется понятие семейного праздника?

Рутберг: С салатом оливье — мама поддерживает эту традицию, и мы никак не можем сбросить эти вериги советского периода. А по атмосфере — это когда все собираются вместе: мама, папа, Гришка, мой сын, Толя, мой муж, и кошка Катя. Когда они дома, здоровы, у них все хорошо — это праздник, ничего мне больше не надо. У нас в этом году умерла бабушка, и одного поколения из нас не стало. Правда, мы с родителями живем недалеко друг от друга, и у нас такая итальянская семья: мы бесконечно перезваниваемся и хорошо себя чувствуем только тогда, когда знаем, что все у всех в порядке. Моей бабушке, Елене Александровне, было 90 лет, когда ее не стало. На ее фоне мы все казались молоденькими. А сейчас, когда нет «корня», все осознали, что уже весьма взрослые. Царство ей небесное.

ИЗВЕСТИЯ: Могли бы вы быть просто домохозяйкой?

Рутберг: Нет, никогда. Не могу понять этих женщин. Это, наверное, здорово, это призвание, но я слишком активный человек. И я никогда не могла понять женщин, которые все бросают под ноги своему детенышу. Не думаю, что каждый ребенок способен оценить эту жертву. Особенно потом, когда начинаются упреки: «Я тебе все отдала, а ты?» Ну, во-первых, кто тебя просил об этом?

ИЗВЕСТИЯ: У вас дома есть что-то от детской жизни, какие-то памятные мелочи?

Рутберг: Ну, конечно, есть какие-то прибамбасы, книги, но главное — наша семейная коллекция верблюдов. Это началось еще с папы, потому что когда-то ему привезли смешную рекламную картинку верблюда и все решили, что это его портрет. А поскольку я очень похожа на папу, то верблюд стал нашим семейным животным. И мы возем их из всех стран мира, со всех континентов. У нас есть верблюды плюшевые, стеклянные, нитяные, соломенные, из хрустала Swarovski — всего 82 штуки. Нам уже жить негде, а они все размножаются.

Мим

и учитель

Своей профессией и гордым профилем Юлия Рутберг обязана отцу — миму и актеру, выпускнику Московского энергетического института и ГИТИСа, ученику великой Марии Осиповны Кнебель и одному из основателей знаменитого Студенческого театра МГУ «Наш дом». Придя в кино в начале 60-х годов, Илья Рутберг сыграл в 50 с лишним фильмах. Среди прочего в «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Гы — мне, я — тебе», «Безымянная звезда», «Свальда», «Макаров». И хотя многие его персонажи появлялись на экране в эпизодах, ни одна роль Рутберга не осталась незамеченной. Сегодня Илья Рутберг руководит единственной в мире кафедрой пантомимы и пластической культуры театра Академии переподготовки работников искусства.